

Марк Садовников

Анна Данилова

Вспомни обо мне

«Автор»

Данилова А.

Вспомни обо мне / А. Данилова — «Автор», — (Марк
Садовников)

© Данилова А.

© Автор

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	11
5	13
6	16
7	17
8	21
9	23
10	26
11	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Данилова Вспомни обо мне

Дорогой папа Митрес!

Мелаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, поучайте и
интересуйте удовлетвене
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц)

1

Из дневника Анатолия Концевича

«Мне всего сорок два года, но я в последнее время чувствую себя самым настоящим стариком, и нервы – ни к черту... Знакомые считают, что я сильно сдал. И это действительно так. Я и сам чувствую, что я уже не такой, как прежде. Хотя я ведь и раньше никогда не чувствовал себя по-настоящему молодым, то есть жизнерадостным, энергичным, веселым... Последнее слово и вовсе вызывает у меня недоумение. Что значит – веселый человек? И как вообще можно быть веселым, если жизнь так неинтересна, скучна, безрадостна и даже опасна...

Вот написал все это и еще страшнее стало. Не понимаю, что со мной происходит и почему я должен чего-то бояться... Ведь это же был только сон. Да, мне только приснилось, будто бы ночью кто-то проник ко мне в квартиру, кто-то в черном, и это был, конечно, человек, вероятнее всего, мужчина... Лица я не видел. Но этот человек, едва переступив порог спальни, набросился на меня, спящего... Спрашивается, каким образом я мог видеть его, раз спал? Да я и сам толком теперь не знаю, как все это было, да и как вообще можно разобраться в снах, особенно в предутренних, тяжелых, от которых дух захватывает и ты просыпаешься в холодном поту... Холодный пот. Липкий. Густой. Он просто катится по лицу, и ты чувствуешь себя глубоко несчастным, одиноким, брошенным и абсолютно никому не нужным...

Так вот, этот сон показался мне совсем реальностью. И этот человек с сильными и тонкими пальцами душил меня. Я от страха, как мне кажется, даже поседел. Хотя и до этого был уже наполовину седой. Но это меня, по мнению знакомых женщин, не портит. Даже наоборот – делает привлекательным. Только мне непонятно, что может быть привлекательного в серебристых прядях... Но им, женщинам, виднее...

Я не старик, нет. Но очень скоро стану им, если не пойму, что со мной происходит и чего я боюсь. Главное, я знаю, когда все это началось...

Однажды вечером в моей квартире раздался телефонный звонок, это был Леня, он звонил из ресторана и сказал, что видит перед собой, за соседним столиком, мою жену. И все бы ничего, если бы она не умерла три года тому назад...»

2

Анатолий Концевич уже и сам не знал, как относится к своей свободе. Будучи женатым, он нередко мечтал о том, чтобы в квартире было тихо и спокойно и чтобы вещь, оставленная им на каком-то конкретном месте, дожидалась его, а не исчезала в неизвестном направлении... У женщин свои представления о порядке, о комфорте, о том, каким должен быть дом и как и где должны лежать вещи. И когда умерла Вера, в квартире стало очень тихо, так тихо, что ломило в ушах и хотелось как-то нарушить тишину, позвать, к примеру, Веру, попросить принести воды или сигареты... И хотя Веры не было, он представлял себе, что она приходит, приносит сигареты и садится сама рядышком, смотрит, как он закуривает... Потом, спохватываясь, бежит на кухню – за чистой и сухой большой хрустальной пепельницей. Ему казалось, что она любила его. Иначе не стала бы терпеть его тяжелый характер, его вечные придирки, затяжную (по мнению многих, кто знал его) задумчивость, которая была сродни невежливости, невнимательности к окружающим... Он знал за собой великое множество недостатков, которые были явными, очевидными, но Вера воспринимала их с легкостью, словно не их замечала. Иногда Анатолию казалось, что она ведет себя так терпимо по отношению к нему исключительно по одной причине – она дорожила их браком, намаялась одна, без мужа, и теперь, грубо говоря, держалась за него, прощая ему все...

Хотя, с другой стороны, ну чего уж такого она ему прощала? Он не изменял ей, приносил в дом деньги, был спокоен и вежлив, даже учтив, дарил ей подарки, цветы... Конечно, многому он научился, читая втайне от жены женские журналы, чтобы понять, что же надо им, этим милым существам, от мужчин, чего ждет от него Вера.

А что касается быта, то мало у кого нет вредных привычек... К примеру, он постоянно искал свои домашние тапки. И находил, как правило, под письменным столом, в темных углах, возле стены, и за ними всегда приходилось лезть... Конечно, зрелище не из эстетичных, это он понимал, но все равно подлезал под стол и шарил руками по гладкому паркету... Еще долго собирался к столу. Вера ждала его, следя за его перемещениями по квартире. Суп остывал, она нервничала, тихо так спрашивала, когда он заглядывал в столовую, скоро ли он, и он отвечал неизменно, что да, он уже идет, вот только, к примеру, сохранит что-то там в компьютере или помоем руки, или примет лекарство, или переоденется, или польет фикус (подарок подчиненных), или сходит в туалет, или сложит все скопившиеся в корзине в передней газеты в стопку и вынесет в чулан... Он и сам не мог понять, почему так все выходило, то он постоянно запаздывал к столу. Словно оттягивал момент, когда же он, наконец, успокоится и сядет, возьмет в руки ложку или вилку и примется за еду...

Вера хорошо готовила, и он тихо радовался этому обстоятельству. Ведь женился он как-то стихийно, быстро... Хотя с Верой он был знаком больше двух лет, ухаживал за ней, но вот предложение сделал неожиданно даже для себя, словно кто-то внутри него, уставший от нерешительности, помог ему произнести эти важные и простые слова: Вера, я люблю тебя, выходи за меня замуж. Он к тому времени уже успел познать ее как женщину (она оказалась спокойной, скованной, но готовой раскрыться, довериться мужчине), но вот как хозяйку – нет. Она снимала квартиру, не очень-то любила приглашать его к себе, поэтому узнать, как Вера готовит и насколько она чистоплотна, он не успел. Поэтому тем более было приятно, что она превосходная хозяйка, не ленится, а что касается порядка, то с ее появлением квартира Анатолия стала словно светлее, просторнее, чище, комфортнее...

Да и жили они хорошо, в удовольствии, и Анатолий был уверен, что это и есть любовь и настоящее семейное счастье. Ей исполнилось тридцать лет, а ему тридцать восемь, когда она сказал ему, что забеременела...

... Он приготовил себе два солидных горячих бутерброда с сыром и ветчиной, достал из холодильника холодное пиво, накрыл себе столик возле широкого, мягкого дивана, поставил пепельницу, большую хрустальную, и сел, расслабился... Все, день закончился. Он устал, хочется посмотреть телевизор, поужинать, выпить пива, а потом забраться под одеяло и уснуть. Чтобы утром проснуться, выпить чашку кофе и отправиться к себе на работу, в свой кабинет... Чтобы вечером вернуться домой...

Он вдруг заплакал. Его же никто не видел, а когда он знал, что его никто не видит, он иногда позволял себе плакать. От жалости к себе. Он считал несправедливым, что его, семьянина от природы, Бог так наказал неизвестно за что, отняв и жену, и неродившегося ребенка... Так жаль, так жаль, что хоть волком вой... Если бы кто-то, кто его знал, увидел бы его в эту минуту, то пришел бы в недоумение. У Анатолия Концевича была довольно-таки мужественная внешность. Высокий, суховатый брюнет с крупными чертами лица, пронизательными умными глазами, нервными движениями, от него исходила внутренняя сила, которая подавляла в его подчиненных желание неповиновения, бунта. Его воспринимали как директора, хозяина, сильную личность, которой бесполезно прекословить. Хотя с женщинами, работавшими в его конторе, он зачастую был необычайно нежен, вежлив, с удовольствием делал им к праздникам какие-то милые подарки, которые выбирал сам, выдавал собственноручно маленькие премии, с легкостью отпускал с работы, когда им это было нужно... Он возглавлял небольшую строительную фирму, и дела его вот уже больше десяти лет шли хорошо, если не замечательно... Он мог позволить себе уже многое, но если прежде он все свои желания подчинял будущему (вот родится ребенок, тогда можно будет купить дом на Волге, еще одну машину – для Верочки, новую квартиру в районе Набережной, отправиться путешествовать втроем в теплые страны...), то теперь, когда он остался один, и желания как-то сами собой отпали... Хотелось одного – чтобы его контора продолжала так же стабильно и прибыльно работать, чтобы подчиненные его уважали, а женщины видели в нем сильного мужчину... И еще – чтобы Лариса была с ним поласковее...

...Второй бутерброд он осилить не смог, унес тарелку обратно на кухню. Вернулся в комнату, допил пиво и хотел было уже позвонить Ларисе, своей молоденькой любовнице, чтобы попросить ее приехать прямо сейчас, как замурлыкал мобильный телефон. Леонид. Его самый близкий и преданный друг. Его заместитель. Его жилетка, в которую всегда можно поплакаться и с которым так приятно пропустить рюмку другую коньячку, поговорить за жизнь...

– Толя? Привет...

Леня был пьян. Анатолий понял это по голосу.

– Здорово, Леонид. Ты где?

Но он и так представлял себе, где в этот час может быть его друг. В ресторане «Европа». Это любимое место Лени Охрименко.

– Там же, где и всегда... – Анатолий услышал, как Леня вздохнул. – Послушай, я хоть и стараюсь не нервничать, но ты, наверное, чувствуешь, что у меня голос не такой, как всегда, да?

Пожалуй, он был прав, Леня. Действительно, он волновался.

– Что случилось? Деньги забыл или опять язва открылась?

– Дурак ты, Концевич... Вечно тебе в голову всякая ерунда лезет... И какого ты обо мне вообще мнения? Считаешь меня алкоголиком?

– Леня, да что с тобой? Все нормально... Ты такой же алкоголик, как и я... Что случилось-то?

– Понимаешь, брат, сижу я сейчас за нашим с тобой столиком, возле окна, ну, ты знаешь, да? И вот. Напротив меня за столиком сидит один молодой хлыст... Вернее, нет, нормальный парень, хорошо одет, между прочим, не пьяный в отличие от меня...

– Ну? – Концевич подумал, что Ларисе он уже не станет звонить. Поздно, да и настроение не очень-то... Все желания, какие были еще четверть часа назад, исчезли. Хотелось только спать...

– А рядом с ним сидит, угадай, кто?

– Леня, ну откуда мне знать, кто... – И вдруг его словно прострелило: – Лара? – И сон сразу исчез. Он зажмурился и распахнул глаза, словно выпуская сумерки спальни вместе с источающей беду телефонной трубкой. – Лариса?

– Нет. Я не стал бы тебе звонить, если бы увидел Ларку... Я не такой, ты знаешь. Но это Вера.

– Какая еще Вера? – Не успел еще ни о чем подумать Концевич. Имя его жены после ее смерти как-то стерлось из памяти, во всяком случае, оно уже почти ни с кем не ассоциировалось (любопытная и любящая поворошить раны Ларка сказала, что он никогда не любил свою жену, вот дурища!) – имя, как имя.

– Толь, ты что? Вера – твоя жена.

– Леня... Может, ты забыл...

– Да нет, ничего я не забыл. Я знаю, брат, что она умерла, я сам был на похоронах... Она лежала в гробу – мертвое не бывает... Но говорю же – я сейчас вижу ее.

– Что, так сильно похожа? – Концевич почувствовал, как кровь прилила к лицу. Что-то нехорошо стало...

– Говорю же – Вера. Точная ее копия.

– Может, у Веры была сестра-близнец?

– Не знаю. Но я не мог тебе не позвонить, сам понимаешь... Ладно, старик, извини, что потревожил... Жаль, что тебя здесь нет, сам увидел бы, оценил... ну просто твоя жена. И одета так же, я хочу сказать, в ее стиле... Такое платье... вырез.. грудь... красотка, как Вера. И губы... Ты вот говорил, что она слишком ярко красит губы, но ты не понимаешь, это красиво, это очень красиво... Губы, как вишни... У тебя была красивая жена. А эта... Если хочешь, приезжай...

Но он знал, что не поедет. Да и глупости все это. Просто Леня выпил...

Они попрощались, Анатолий отключил телефон, вымыл посуду, принял душ и лег спать. Но сна не было. Он лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к шуму дождя за окном (была ранняя весна, холодная, с ветрами, мокрым снегом и дождями), и представлял себе уютный, погруженный в красновато-оранжевый свет, зал ресторана, Леню за столиком, нахально разглядывающего похожую на Веру женщину... Вот черт, надо было спросить про возраст...

3

Из дневника Анатолия Концевича

«И все-таки мне кажется, что я уснул... Этого не могло быть в реальности, просто не могло и все... Этот человек... во всем черном. Он каким-то образом оказался в спальне, сначала присел на кровать, а потом вдруг как накинется на меня, и сцепил свои сильные пальцы на моем горле... Господи, кому рассказать – скажут, что у меня крыша поехала... Но я же видел его. У него и лицо было закрыто маской. Все черное, только глаза блестят... Я даже и отбиваться поначалу не мог, находился в шоке, меня словно парализовало от ужаса... да и не сказать, чтобы я так прямо и задыхался, вот только знал, что на меня напали и хотят убить. Кто? За что? Хотя какая разница, раз все это мне приснилось...»

Да, именно так я и думал, пока не наступил рассвет, и я, измученный бессонницей и болями в горле, не встал и не зажег свет... Не сказать чтобы в спальне был беспорядок, но знал, что здесь кто-то побывал. Нарушен порядок расположения вещей. Как-то все словно сдвинуто, потревожено. И горло. Оно болело по-настоящему. Хотя и эту боль можно было объяснить. Предположим, ночью, во сне, у меня заболело горло, вот мне и приснилось, что на меня кто-то набросился и начал душить... Но тогда бы у меня болело горло внутри, а не снаружи...

Я сел на постели. Кожа на голове словно наэлектризовалась. Волосы встали дыбом. А страх залепил рот... Я хотел что-то сказать и не мог. Подумалось еще тогда, что, может, у меня инсульт, и язык не повинуется мне... Может, я бы еще какое-то время находился в таком вот подвешенном состоянии и не знал, что со мной происходит, если бы не спасительный звонок Ларисы. Моя дура позвонила мне и сказала, что в каком-то там меховом магазине распродажа, и что ей хочется поспать к открытию, и не мог бы я ей ссудить такую-то сумму (звонок раздался почти в шесть утра, и это звонила любительница поспать Ларка!) ... Да я тогда отдал бы ей все, лишь бы она приехала и своей жизнерадостностью, здоровой женской суетой и громким голосом разрушила гнетущую тишину моей квартиры, моей неудавшейся жизни...»

4

– Девушка, я же вас спросила: чернослив с косточкой или без косточки? Вы что, не русская? Пыхтите сигаретой, думаете неизвестно о чем, когда перед вами покупательница стоит...

Таня Маева любила саратовский рынок. Огромный, с высоким прозрачным куполом, как в цирке, крепко пахнувший зеленью, копченым мясом, овощами и фруктами и еще чем-то свежим молочным, приятным, аппетитным. И поговорить с продавцами любила, и поспорить, и поскандалить. Она находила в этом особое удовольствие. Ведь это она пришла сюда с деньгами, чтобы их потратить, вот и пусть подсуетится эта ленивая и плутоватая братия торгашей, готовая обсчитать и обвесить тебя профессионально, с удовольствием, со знанием своего дела, можно сказать, талантливо...

– Женщина, я сказала вам, что они без косточек... – произнесла, пыхтя сигаретой, одетая в теплую розовую кофту продавщица. – Чего вам еще нужно?

– С косточками... – произнесла, выплевывая коричневую блестящую жирную косточку на ладонь, Таня Маева. – А цена, как у чернослива без косточек...

Она разговаривала лениво, жуя вкусный сладкий чернослив и представляя себе, как вернется домой и приготовит говядину с этим самым черносливом...

И вдруг горло ее сжалось, она чуть не задохнулась, поперхнулась, и продавщица вперила в нее насмешливый, злобный взгляд, мол, так тебе и надо...

Рядом с Таней стояла Вера Концевич. Живая и здоровая. И покупала у соседнего прилавка виноград. Красивая, как всегда, молодая, с румяными щечками... Прямо призрак какой-то! А рядом стоит молодой человек, одетый с иголки, и помогает ей уложить перламутрово-розоватый виноград в пакет.

У Тани голова закружилась, как всегда, когда с ней происходило что-то необычное, когда она сталкивалась с чем-то необъяснимым, когда ей казалось, что она сходит с ума. К примеру, когда две машины одновременно на ее глазах стали пятиться назад, у нее, глядя на эту случайную картину, закружилась голова так, что ей пришлось остановиться и некоторое время стоять, прислонившись к стене дома, чтобы понять, что с ней-то все в порядке... Или однажды она увидела, как ее муж в парке целуется с другой женщиной... Удивительно похожий на мужа мужчина. Когда она, лоя ртом воздух, судорожно схватила телефон и принялась набирать номер супруга, он, находясь на работе, спокойно ответил, что у него совещание... В то время как мужчина, похожий на Олега, продолжал целоваться с девушкой, сидя на тенистой скамейке парка всего в нескольких шагах от нее...

Вера Концевич не могла находиться сейчас в Крытом рынке и спокойно покупать виноград. Она умерла три года тому назад. Молодая, красивая женщина настолько тяжело переносила свою беременность, что стала нервной, чрезмерно эмоциональной, впечатлительной, ей повсюду мерещились маньяки и убийцы, она была охвачена каким-то непонятным страхом перед родами, и организм ее в итоге не выдержал такой нагрузки, к тому же, по словам ее мужа Толи Концевича, она подхватила какой-то вирус, кажется даже гепатита... По словам Анатолия, Вера скончалась в больнице от потери крови... Какая-то невероятно жуткая, трагическая история. Все знакомые пришли хоронить Веру, и хотя она лежала в гробу, прикрытая белым газом, все равно это была Вера, точно... А Анатолий так и вовсе поцеловал ее, наплевав на предостережения доктора и нисколько не боясь заразиться этим самым вирусом...

И вот теперь она, улыбаясь своему спутнику, продолжает спокойно идти дальше, вдоль фруктовых рядов, как ни в чем не бывало...

Чтоб убедиться, что эта женщина на самом деле как две капли воды похожа на Веру, Таня обошла ряд и двинулась ей навстречу... Когда она приблизилась к ней настолько, что

могла рассмотреть даже маленькую родинку на щеке (эта родинка украшала Веру и делала ее невероятно обаятельней и даже какой-то загадочной), у Тани снова закружилась голова и она почувствовала прилив дурноты...

– Извините, не скажете, который час? – проговорила онемевшими губами Таня, испытывая странное чувство невесомости, шока.

«Вера», слегка отодвинув манжету жакета, взглянула на маленькие часики и ответила. И вот тогда Таня облегченно вздохнула: Женщина не узнала ее. А ведь если бы это была действительно Вера, она не смогла бы не узнать свою приятельницу, и не только поздоровалась бы, но и остановилась, чтобы поговорить... Но эта была чужой.

– Извините, я не могла вас видеть... где-то? – Все равно не сдавалась Таня, представляя себе, как она пересказывает эту историю Концевичу, как описывает все детали встречи. Ей хотелось собрать как можно больше информации.

– Не знаю... – несколько рассеянно ответила женщина. – Может быть...

– В больнице?

– Может... – Двойник Веры развел руками.

– Извините... – Таня отошла в сторону, совершенно смущенная.

Рассказать кому – не поверят...

Она незаметно достала телефон и сделала несколько снимков – насколько позволяла ситуация. Сбоку, со спины... Ну не могла же она направить объектив прямо на женщину и сделать снимок анфас... Хотя... Почему бы нет? И она, внезапно осмелев, догнала женщину и сфотографировала ее – близко, крупным планом... После чего, боясь взглянуть на нее, бросилась вон, к выходу...

5

Целый день он находился под впечатлением ночного разговора с Леной Охрименко, а вечером к нему заявила чета Маевых – Олег и Татьяна, друзья семьи. Анатолий только что вышел из ванной комнаты, был в халате, красный, распаренный, утомленный... Увидев Олега, он сразу почему-то понял, что что-то случилось. После смерти Веры они заходили к нему изредка и всегда ненадолго, словно отдавали дань вежливости – не больше. Татьяна же, обычно разговорчивая, активная, выглядела на этот раз подавленной, даже больной.

– Ужасно рад, что вы пришли... сто лет вас не видел... Ну, заходите же!

Он хотел казаться обрадованным этой встречей, даже веселым, но у него даже рот не слушался и улыбка, он это чувствовал, не получалась. Со стороны, как ему казалось, эта улыбка скорее напоминала судорогу...

– У меня есть отличный куриный рулет... Жаль, что я не успел приготовить ужин, только картошки начистил...

– Толя, не суетись, я сама пожарю картошку, – сказала Татьяна, раздеваясь. – На улице так противно холодно, дождь со снегом... Да и весной совсем не пахнет...

От них пахло дождем, да и лица были влажными, не говоря уже о промокшей одежде.

– А еще у меня есть коньяк... Как хорошо, что вы пришли... Нет, на самом деле, я ужасно рад... Посидим, согреемся... Я хоть и принял горячий душ, все равно чувствую себя как-то неуютно... Вы только подождите, я пойду переоденусь...

Он вернулся в домашних широких брюках, теплой толстовке, с высушенными феном волосами. Татьяна уже нарезала картошку, на сковородке шипело масло...

– Вы прямо жизнь вдохнули в мою холостяцкую берлогу... Таня, какая же ты молодец...

– Да брось, Толя... Картошка же почищена была...

– Ты сядь, Толя, у нас к тебе разговор есть, – выдал, наконец, Олег.

Высокий, светловолосый, румяный, полноватый Олег был полной противоположностью Концевича. Он, физик по образованию, руководил крупной компьютерной фирмой, слыл человеком небедным, хотя и скуповатым. Однако, когда на него находило, мог быть щедрым, расточительным, легкомысленным... Как правило, эти метаморфозы происходили с ним под влиянием алкоголя, и Татьяна, зная характер и привычки мужа, старалась внушить ему, что пить ему нельзя, что когда он выпьет, то выглядит как полный идиот, что если его подчиненные увидят его в таком виде, то перестанут его уважать, больше того, станут презирать... И все, кто знал эту семью, понимали, что Татьяне жаль не денег, которые он выбрасывал на ветер, угощая всех подряд и раздавая беспроцентные кредиты. Проблема заключалась в склонности Олега в подвыпившем состоянии приударять за женщинами. Все его романы начинались, как правило, на вечеринках, и подружек своих он находил на банкетах и застольях.

– Да я сяду... – занервничал Анатолий. – Вот только стаканы принесу...

Они выпили и, пока Татьяна была на кухне, Олег показал сделанные ею на рынке снимки.

– Смотри...

– Что это?

– Если хочешь, давай увеличим эти снимки на компьютере... – настаивал Олег. – Мне кажется, ты знаешь эту женщину...

Он уже понимал причину визита Маевых и то, почему они себя так странно ведут. Они не знали, как рассказать ему, что увидели в городе женщину, так сильно похожую на Веру.

На экране компьютера появилось довольно-таки четкое изображение – лицо молодой женщины точь-в-точь как у Веры.

– Ну? Узнаешь?

– Да... Это Вера, – сказал, побледнев, Концевич. – Откуда у вас этот снимок?

В кабинет вошла, распространяя вокруг себя запах жареной картошки, Таня.

– Толя, этот снимок я сделала сегодня... На рынке. Я увидела, как эта женщина покупает виноград... Она была не одна, с молодым человеком весьма приятной наружности...

– Ну и что? Вы же понимаете, что это не Вера, что это не может быть Вера... – с трудом сдерживая свое раздражение, сказал Концевич. – Моя Вера умерла...

– Но это была она, поверь мне... – Таня состроила страдательную гримасу. Она жалела Концевича, и это ему не нравилось. – Видишь эту родинку? Вот честно тебе говорю, если увижу этот фантом еще раз, то обязательно попытаюсь стереть эту родинку... И если окажется, что она нарисована...

– Таня, ты что, спятила? – заорал на нее муж. – Что такое ты несешь? Удивительно, как ты сумела сделать эти снимки... Надо все проверить осторожно, чтоб эта особа ничего не заметила и не поняла...

– Да что вы такое все говорите?! Вы что, на самом деле считаете, что Вера могла после всего, что с ней стало, остаться живой? Да она точно умерла...

– Книг ты не читаешь и фильмов не смотришь... – шумно вздохнула Татьяна, считая, что раз это она встретила двойника Веры, то и прав порассуждать на эту щекотливую тему у нее больше, чем у кого-либо. – Да ее могли похоронить заживо, ты понимаешь или нет? Сколько случаев известно...

– Мне лично – неизвестно... – пожал плечами Концевич. – И вообще, Таня, ты чего меня пугаешь? Ты что, хочешь сказать, что я похоронил свою жену заживо?

– Ой, подождите... Картошка... Она уже готова...

Татьяна накрыла на стол. Принесла маринованные грибы, соленые огурцы, копченое сало, черный хлеб.

– Ба, откуда все это? – удивился Анатолий.

– Из соседнего супермаркета, – отмахнулась она. – Давай по делу... Расскажи, ты видел, как умирала Вера? Разговаривал с доктором?

– Господи, какая же ты жестокая, Таня! – извиняющимся тоном произнес, испытывая неловкость перед другом, Олег. – Разве можно задавать такие вопросы?

– Можно... Я вот как рассуждаю, – Татьяну было уже не остановить. – Прошло все-таки три года. Не секрет, что даже такое горе притупляется со временем... Мы все не чужие друг другу люди и знаем, что Толя уже давно пришел в себя настолько, что пытается даже наладить личную жизнь, в чем я его, кстати говоря, всячески поддерживаю.

– Ты имеешь в виду Ларку? – Сощурил глаза Концевич. Хотя он любил и уважал своих друзей, но сейчас ему было неприятно, что они говорят о его любовнице, ему почудилось даже, что в их словах кроется если не осуждение, то презрение. Вот, мол, как быстро восстановился после смерти жены...

– Да, Ларису... Но дело-то не в ней, а в тебе... В том, что ты сейчас находишься в том состоянии, когда с тобой можно спокойно говорить о смерти твоей жены, что ты уже не так болеешь, как в первые недели и месяцы после похорон... Поэтому-то я и спрашиваю, ты уверен, что Вера действительно умерла? Ты дотрагивался до нее, когда она была мертвой?

– Таня, возьми себя в руки... – Олег даже поймал ее за кисть и сильно сжал, так, что жена вскрикнула. – Тебя что, выпороть, что ли? Вот дурища! Ты извини ее, она и сама не понимает, что говорит...

– Да пусть... Я понимаю, о чем она... Хочет исключить возможность того, что Вера осталась живой... Хочу тебя успокоить, Таня, доктор показал мне ее тело сразу после того, как перестало биться сердце. Да, это правда, я до нее не дотрагивался, и меня предупредили, что она больна гепатитом... И вообще, этот доктор, циник по образованию (как я всегда говорю о

врачах), предупредил меня, что мне не следует целовать ее... Господи, да, верно, прошло три года, и мне казалось, что я смогу говорить об этом спокойно, но я не могу... Так больно...

– И вы тоже поймите меня, – уже более спокойно произнесла Татьяна. – Ведь это не вы, а я видела эту женщину. Вот ты представь себе, Толя, что идешь ты, к примеру, по улице, а тебе навстречу – я. Ты здороваешься со мной, а я делаю вид, что вижу тебя в первый раз... Разве на тебя это не произведет впечатления?

– Произведет...

– И что ты будешь делать?

– Подойду к тебе, разверну, чтобы внимательно рассмотреть...

– Вот! И когда ты, предположим, сделаешь это и увидишь, что я – это я, но говорю, что это не я, твои действия?

– Позвоню моему мужу, вот этому, Олегу, и спрошу, где ты.

– А если он тебе скажет, что я, к примеру, в командировке...

– Значит, я обознался...

– Нет, все это не то... Понимаешь? Не та степень удивления, потрясения, шока, как сегодня, когда я увидела Веру, которая умерла три года тому назад... Поверь мне – это одно лицо. И прическа и стиль ее одежды... – Она как будто бы расстроилась, когда поняла, что ей никто не поверил. Даже снимки не произвели должного впечатления.

И вдруг Концевич сказал:

– Мне Леня звонил вчера ночью из «Европы»... Сказал, что тоже видел Веру. За соседним столиком, представляете? А сегодня вот вы... Значит, на самом деле есть женщина, похожая на Веру. Но это все равно не она... потому что ее нет.

– Вот бы тебе самому ее увидеть... – всплеснула руками Татьяна.

В дверь позвонили. Вошла шумная, в каплях дождя, роскошная в своем румянце и сияющих глазах Лариса. Кудри не развились даже под дождем. Как кукла, дорого одетая, яркая, шикарная. В руках – большой золотистый пакет.

– Привет компании! – произнесла она, улыбаясь во весь рот. – А я, между прочим, Толик, купила то, о чем говорила тебе еще утром! Но показывать пока не стану, когда все уйдут, тогда...

И она на глазах у Маевых подошла к нему и бухнулась на колени. Анатолий, покраснев, стащил ее со своих ног, усадил на диван.

– Лара...

– А что такое? – она состроила уморительную гримаску, надула губки. – Ну, что вы здесь кисните?! Подумаешь, дождь идет и холодно... Когда у человека есть цель и интерес к жизни, он никогда не замерзнет, правда ведь, зайка?

Татьяна Маева смотрела на Ларису широко раскрытыми глазами, словно увидела перед собой призрак.. Хотя призрак она видела много раньше...

6

Из дневника Анатолия Концевича

«Появление в этот момент Лары внесло в тот вечер элемент абсурда, трагикомедии. Обсуждалась тема – могла ли остаться в живых моя умершая жена (идиотическое словосочетание), и вдруг появляется любовница, которая, нисколько не стесняясь того, что она с подружкой уже „обмыла“ попку (шубку из рыси вместе с беретом, все это мило, но как-то странно) шампанским, начинает примеривать эту шубку с беретом и хохочет так, что ее хочется выставить вон...»

Вечер, обещавший быть теплым, превратился в шумный и нескладный спектакль, где главным действующим лицом вместо Татьяны оказалась Лариса. Причем для того чтобы оказаться в центре внимания, ей не пришлось ни рассказывать о своей встрече с фантомом на рынке, ни задавать леденящие вопросы о том, мертва (по-настоящему) ли была моя жена... Лариса всегда в центре внимания... Даже Олег, почти не знакомый с ней, не сводил с нее глаз...

Когда ушли Маевы, я сказал Ларисе прямо, что нельзя так себя вести в присутствии моих друзей, что надо быть потише, поскромнее и уж тем более не бухаться мне на колени. Что всем было понятно ее желание продемонстрировать наши близкие и сердечные отношения... Ха-ха...

Словом, я отправил Ларису домой на такси. Мне просто необходимо было остаться одному, чтобы привести в порядок свои мысли и чувства. Но тому вечеру так и не суждено было закончиться тихо и мирно.

Спустя примерно час после ухода Лары (а уходила она, надо сказать, обиженная, вся в соплях и слезах, и кляла меня самыми последними словами), когда я перемыл всю посуду, вытер ее насухо полотенцем и расставил по местам, сварил кофе и расположился перед телевизором, чтобы расслабиться и подумать обо всем хорошенько, без свидетелей, ко мне в дверь вновь позвонили. Я подумал, что это вернулась Лара. Может, решила прощения попросить, всякое бывало между нами...

Я даже не спросил, кто это, не посмотрел в глазок, просто открыл, старый идиот. И увидел туфли на пороге. Туфли моей жены, Веры. Она сама расшивала их стразами, когда готовилась к новомуднему вечеру...

Я смотрел на них и понимал, что такое может быть только во сне. Следовательно, я, перемыв посуду, не варил кофе, а, скорее всего, разделся и лег спать, и эти туфли мне приснились, как следствие нашего разговора с Маевыми... Чтобы не осложнять себе и без того в последнее время тревожную жизнь, я туфли брать не стал. Зачем они мне? А вдруг, когда я проснусь, они будут стоять на ковре в моей спальне? Один бог знает, как бы мне этого не хотелось...»

7

Три года тому назад. 2005 год

Музыкальная школа на самом деле была небольшой хоровой студией и представляла собой двухэтажный миниатюрный старинный особняк девятнадцатого века, спрятанный в небольшом запущенном садике позади общеобразовательной школы.

Поначалу особняк нравился Вере, и она приходила сюда с удовольствием. Ей нравились высокие потолки классов, украшенные изразцами большие печи, от которых зимой шло благодостное тепло, даже запах мастики, которой натирали розоватый старый паркет, напоминал ей запахи музея. И только когда в ее жизни появился кошмар, связанный с маньяком по имени Алексей, один вид этой школы, не говоря уже о тяжелом и словно ядовитом запахе мастики, отравлял ей жизнь.

Она занималась с мальчиком лет семи, Сашей Домниковым, в классе, когда дверь открылась, и она увидела высокого парня в кожаной куртке. Он улыбнулся ей и подмигнул. Вера знала, что в школе она в этот час совершенно одна и что, если сейчас за Сашей приедет его мама, то ей, Вере, в целях безопасности надо будет выйти вместе с ними из школы, чтобы добраться до своей машины: спрашивается, кто этот парень и что он здесь делает?

Быть может, она и не обратила бы внимания на парня, мало ли кто мог войти в школу, может, чей-то родственник или знакомый, если бы не обрушившаяся на город волна статей и репортажей о появившемся маньяке, убивавшем молодых женщин... Судя по фотороботу, это был молодой парень с вытянутым лицом и крупными чертами лица. Он насиловал и убивал блондинок, потом перешел на брюнеток, пока следственным органам не стало ясно, что цвет волос его будущих жертв роли никакой не играет – убийца выбирает женщин по другому, только одному ему известному принципу... Вера была на шестом месяце беременности и, будучи человеком впечатлительным, болезненно воспринимала всю информацию, касающуюся маньяка. Особенно ее угнетали фотографии его жертв, которые тиражировались в прессе и даже показывались по телевизору...

Она так и не поняла, как же так могло случиться, что Саша Домников, ее ученик, вместе со своей мамой так быстро вышли из школы, а она, задумавшись, забыла попросить подождать их, пока не запрет свой класс, учительскую, проверит, выключена ли газовая печь... Она была в учительской и собиралась уже выйти, как услышала какой-то шорох за дверью, шарканье обуви по паркету... Потом послышался звук отъезжающей машины – это Домниковы, оставив ее одну на съедение маньяка, поехали домой... Вера достала телефон и, позвонив мужу, быстро, глотая слова, попросила его срочно приехать за ней в школу, что она в учительской, а в коридоре ее поджидает маньяк... Анатолий суховато ответил ей, что постарается приехать как можно скорее, как только закончит свои дела в офисе...

Она положила телефон в карман, подошла к двери и коснулась было уже пальцами ручки, как она, словно помимо ее воли, повернулась, дверь открылась, она почувствовала силу того, кто это сделал, и в учительскую вошел тот самый парень...

Она даже зажмурилась от страха.

– Вера... Ведь вас зовут Вера? – услышала она вкрадчивый голос и открыла глаза. Мелькнула мысль: а что, если это все же не маньяк?!

– Что вы так испугались? Меня зовут Алексей... Может, вы меня никогда и не замечали, а я вот наблюдаю за вами уже несколько месяцев...

Она рассматривала его. Молодой, высокий и крепкий, широкоплечий, длиннорукий и длинноногий, лицо обросло розовыми созревшими, налитыми желтизной, угрями. Препротивный тип...

– Что вам от меня нужно?

– Вы нравитесь мне... Вернее, я хотел сказать, что давно влюблен в вас и считаю, что мы должны быть вместе... Я потерял аппетит, я болен вами, понимаете?

– Но у меня есть муж... – Она решила, что самым лучшим в ее ситуации будет потянуть время, чтобы дождаться мужа. Конечно, он не поверил ей, сказал, что ему нужно закончить какие-то свои дела в офисе, а ведь ему, между прочим, позвонила беременная жена, рассказала про маньяка и попросила срочно за ней приехать... Это каким же надо быть бесчувственным, чтобы вот так отреагировать на ее просьбу, на ее, можно сказать, крик о помощи?! И все дело в том, что он действительно не верит ей... Считает, что она просто напугана этой информацией о маньяке... Больше того, он сказал, ей не далее как сегодня утром, что его вроде бы поймали...

– Скажите, Алексей, что вам от меня нужно, – спросила она и почувствовала, что зубы ее стучат, а челюсть сводит судорогой.

– Я люблю вас, Вера, и хочу жить с вами... В отличие от других мужчин, я не собираюсь вести вас в ЗАГС, все это глупости... Я снял для нас квартиру, обустроил ее... Вы думаете, почему я так долго ждал и не подходил к вам? Мне надо было подготовиться, чтобы привести вас в теплую и комфортную квартиру... Я же не знал тогда, что вы беременны от другого... Я вижу страх в ваших глазах... Напрасно... Я не собираюсь причинять вред вашему ребенку, я вообще не могу причинить боль тому, кто имеет какое-либо отношение к вам, к тебе... Разве что твой муж. Он осел, Вера, и это видно сразу... Во-первых, он старше тебя на много...

– На восемь лет, – как-то странно среагировала она, словно оправдываясь. – Это небольшая разница...

– Да, возможно, но он выглядит как настоящий старик! У него безрадостное лицо ипохондрика, у него обвислые щеки, печальный рот... Как ты можешь жить с таким человеком? Жизнь дана нам для радости... Я пришел сюда, чтобы забрать тебя к себе...

– ...чтобы убить? – она едва разлепила пересохшие губы, чтобы задать этот страшный вопрос.

– Говорю же, – он стиснул зубы и говорил уже со злобой. – Я люблю тебя и хочу жить с тобой, понимаешь? Ты не видела меня все это время, а ведь я постоянно находился под окнами твоего класса... Даже в дождь, в снег, когда был сильный ветер... Я очень надеялся, что ты заметишь меня, но ты даже не подходила к окну... А однажды я так долго простоял, глядя на твое окно и представляя, как мы будем жить вместе, что продрог, замерз... Я подхватил воспаление легких и оказался в больнице...

– Но я не люблю вас, вы понимаете? Я люблю своего мужа... таким, какой он есть...

И тут ей захотелось заплакать. Концевич не ехал. Он совершенно бесчувственный и на самом деле безрадостный и какой-то никакой... Он доведет ее либо до сумасшествия, либо до смерти...

– Алексей, если вы любите меня, то должны понять, что я устала и хочу домой... К тому же я проголодалась... Да и вы меня пугаете... Отпустите меня, я прошу вас...

– Господи, Вера, да я не держу вас. Просто у меня все готово, и я только жду, когда вы согласитесь...

– Хорошо, мне надо подумать...

Неужели он меня отпустит?

– Пойдемте, я провожу вас до вашей машины...

– Нет! – вскричала она, представляя, как он нападет на нее в тот момент, когда она откроет машину...

– Хорошо. Чтобы вы... То есть ты... Чтобы ты не боялась меня, я уйду, и ты увидишь из этого вот окна, что я далеко... Ты перепугана, а я не хочу, чтобы ты меня боялась... Люблю тебя, вечно твой – Алексей...

Он улыбнулся, показывая запущенные, почерневшие от кариеса зубы, и быстрым шагом вышел из учительской. Она слышала, как он прогрохотал по лестнице, словно скатываясь по ней вниз, после чего очень быстро оказался на улице, под окнами... Фонарь освещал его высокую черную фигуру. Он помахал ей и зашагал в сторону ворот, миновав их, вышел на освещенный тротуар и двинулся по направлению к трамвайной остановке.

Вера выключила по инерции свет в учительской, выбежала на улицу и бросилась к своей машине, и уже отъехав, вдруг резко затормозила – какой-то человек бросился ей под колеса... А через мгновение она увидела прилепленные к стеклу искаженные и словно расплющенные губы – это был ее маньяк, ее наказание, ее страх... Он исчез так же внезапно, как и появился.

А дома у нее случилась истерика. Пришел Анатолий, и она заявила ему, что не собирается с ним больше жить, что он негодяй и подлец, что ее чуть не убил в школе маньяк... Что он хочет, чтобы ее убили...

Концевич долго не мог ее успокоить, а потом сказал, что все, что с ней случилось, – навязчивое состояние, что никакого парня в черной кожаной куртке она не видела, просто она напугана, вот и все...

– Я же говорил тебе, что у меня брат написал диссертацию о страхах и навязчивых состояниях беременных... Поверь мне, это болезнь, правда, временная... И вообще, брось работу и сиди дома... раз уж ты так боишься...

Опухшая от слез, она вдруг вспомнила, что не заперла школу, позвонила директору Баеву Ренату Руфатовичу. Тот жил неподалеку от школы, он сказал, чтобы она не переживала, он сейчас отправит туда своего сына, и тот запрет... пожелал ей спокойной ночи. Какой же спокойный человек, ну просто ангел...

– Видишь, что ты сделала? – упрекнул ее Концевич, пытаясь обнять за плечи. На нем был черный банный халат, и в нем он напоминал хищную птицу. Она ненавидела его в эту минуту и никак не могла объяснить себе, как же она могла так ошибиться и выйти замуж за этого бесчувственного, жестокого человека.

– Ну же, Вера, успокойся... – Он присел рядом с ней на диван, положил ей голову на колени. – Скажи, ведь не было же никого?

– Ты не хочешь попросить у меня прощения? – Она вдруг с силой схватила его за густые, как у двадцатилетнего, блестящие волосы. – С корнем, что ли, вырвать?

– Успокойся... Какие странные желания возникают у моей беременной женушки... А больше у тебя никаких желаний нет?

Она шлепнула его ладонью по щеке...

– Я имел в виду – поужинать... Я ужасно голодный...

– Я не люблю тебя, Толя, – сказала она то, что думала и чувствовала.

– Это пройдет, и мы снова будем любить друг друга... Это все твоя беременность... Как же она искажает человека, женщину...

Он был невозмутим, не расстроился, он снова не поверил ей.

– Ты даже не спросил, чего хотел от меня этот человек... – заскулила она от бессилия. – Толя, неужели тебе все равно?

– Если бы он был реальным человеком, то я бы как-то отреагировал, нашел бы его... Сделал бы все, чтобы он оставил тебя в покое...

– Он сказал, что любит меня и хочешь со мной жить... Он снял нам с ним квартиру... ты понимаешь, это очень странный маньяк...

– Да может, он и не маньяк вовсе, а на самом деле молодой человек, страстно влюбленный в тебя... Поверь мне, беременность, может, и изменила тебя в худшую сторону в психологическом плане, но внешне ты, Верочка, просто расцвела, похорошела... И я не удивлюсь, если в тебя действительно кто-то влюбился... Тогда что тебе бояться?

– А тебе не жалко меня? Мне же было так страшно...

– Прости меня... Такого больше не повторится... Ну? Так что? Мы пойдем сегодня ужинать?

Уже в постели, стараясь не думать о визите странного молодого человека по имени Алексей, который якобы сходил по ней с ума, она сквозь сон услышала голос мужа:

– Да, кстати, вот, хотел тебе почитать... Утром в газете нашел... «Во время физиологически протекающей беременности у женщины изменяется тонус вегетативной нервной системы, в связи с чем у многих беременных нередко наблюдаются плаксивость, повышенная раздражительность и подозрительность... То есть, будущая мама изначально, по физиологическим показателям, предрасположена к тревожности». Вера, Верочка, ты спишь? Ну, ладно, спокойной тебе ночи, дорогая...

8

Из дневника Анатолия Концевича

«Весь следующий день я думал об этих туфлях и спрашивал себя: сон ли это был, или нет... Ошибки быть не могло, эти туфли принадлежали моей жене, Вере. Я отлично помню тот декабрьский вечер, когда она, радуясь предстоящему новогоднему празднику в кругу друзей, расшивала их разноцветными стразами, такими же, которые украшали ее вечернее платье. Куда она их дела после вечера, понятия не имею, я вообще не слежу за подобными вещами, но, понятное дело, что после смерти Веры они должны были либо оставаться в коробке в шкафу (где же им еще быть-то?), либо... либо она их кому-то подарила, и теперь этот кто-то пытается причинить мне боль, подкинув на порог моей квартиры.»

Или же это все-таки был сон? Конечно, чтобы знать точно, реальные ли меня окружали кошмары, либо все они были плодом моего больного воображения, замешанного на появлении в городе двойника Веры, следовало бы, конечно, забрать эти проклятые туфли с порога. Но я, как трус, поступил иначе, и теперь вот мучаюсь...

Вечером на меня чуть не наехала машина. Да, она появилась в нашем дворе по мою душу, я понял это сразу, как только, пережив шок, оказался на асфальте... Я так быстро и неловко отскочил от мчавшегося на меня „Мерседеса“ с заляпанными грязью номерами, что упал прямо в лужу, разодрав колено и довольно сильно повредив кисть руки. Куда, спрашивается, могла мчаться эта машина между строениями, на узкой дороге, соединяющей наш двор с улицей. Водитель не мог не видеть меня – на мне была светлая куртка. Стало быть, меня хотели сбить или, точнее, убить.»

Так хотелось позвонить Лёне и рассказать обо всем, что со мной происходило, но я словно заранее знал, что он мне ответит: старик, не бери в голову, все это твои фантазии, это я, дурак, во всем виноват, рассказал тебе об этой бабе из ресторана, забудь и успокойся...

Что касается дружной четы Маевых, то поведать им о своих страхах – приравнивается к унижению. Ну не мог я даже Олегу, моему другу, рассказать о том, какой я слабый и нервный, и что простое дорожное происшествие кажется мне подстроенной попыткой убийства, а появившиеся во сне на пороге моей квартиры туфли Веры – попыткой свести меня с ума... К тому же у этой не совсем, мягко говоря, умной Татьяны Маевой появится лишний повод поговорить со мной о книжных новинках в детективном жанре или, того хуже, о фильмах Хичкока... Ну, да, у меня сейчас не самый лучший период жизни, но я вообще не могу вспомнить, когда в моей жизни бывали эти самые лучшие периоды. Разве что когда я познакомился с Верой. Да, тогда действительно была встряска – приятная, эмоциональная, я всегда хотел ее видеть, а позже – касаться ее, говорить с ней, дышать с ней одним, что называется, воздухом... Я был влюблен и счастлив. Это состояние продолжалось довольно долго, и того охлаждения, о котором я слышал, что бывают у мужчин, которым надоела жена, у меня так и не наступило. Наоборот – Вера стала от меня отдаляться... И это как раз после того случая, когда на нее напал, по ее словам, маньяк. Но о каком маньяке могла идти речь, когда его к тому времени уже поймали, просто к ней в музыкальную школу пришел какой-то парень и признался в любви. Я, напротив, хотел ее успокоить, что ничего страшного не произошло, что это обыкновенный человек и что она, будучи женщиной привлекательной, должна была уже привыкнуть к знакам внимания со стороны мужчин... Это теперь мне понятно, что я вел себя как последний эгоист, как идиот. Ну что мне стоило каждый день заезжать за ней в школу, быть к ней более внимательным? Она считала меня холодным и черствым человеком, хотя на самом деле я пытался внушить ей мысль о том, что никакой угрозы ее жизни не существует и что хотя бы один из нас должен оставаться „здоровым“ и

не обращать внимания на разные глупости... Я в тот момент ничего не боялся, и это чувство было мне практически незнакомо. Я был поглощен другими чувствами – готовился стать отцом, много размышлял об этом, к тому же у моего брата возникли проблемы со здоровьем, и я много времени проводил рядом с ним, у него дома... 1) Это он после того, как я рассказал ему о страхах жены, сказал мне, что виной всему ее беременность... Мой брат – психиатр. Это он после того, как я рассказал ему о страхах жены, сказал мне что виной всему ее беременность... Еще он сказал, что ей не следует читать газеты и смотреть новостные телевизионные программы, чтобы оградить себя от губительной для нее информации, касающейся разных маньяков и жестоких преступлений, совершаемых в нашем городе... Я даже делал выписки из его диссертации, посвященной как раз этой теме – страхам беременных. Вот, к примеру, одна из них? „Если тревога становится столь сильной и частой, что лишает человека способности к нормальной жизнедеятельности, то это является признаком тревожного расстройства. Для него характерно напряжение, достигающее до дрожи, выраженный дискомфорт, когда из-за беспокойства трудно усидеть на месте, сердце учащенно бьется, „не хватает воздуха“, усиливается потоотделение, может быть слабость, дурнота, головокружение, чувство „комка в горле“. Такое состояние нуждается в лечении“.

А сейчас я, далеко не беременный, тоже, похоже, нуждаюсь в лечении...»

Господи, меня же сегодня собирались убить!»

9

– Познакомься, Рита, это мой хороший друг – Анатолий Концевич, он большой почитатель твоего таланта... – Марк представлял гостя Рите, своей жене.

– Брось, Марк, у меня отличная память, и однажды ты нас уже знакомил. Проходите, Толя, мы как раз садимся ужинать. У нас сегодня жареные грибы и пирог из тыквы.

Концевич вздохнул с облегчением. Он, измученный бессонницей, все же нашел человека, которому мог бы рассказать о своих страхах. И начать хотел именно с того, что в городе появилась женщина, похожая на умершую жену. А о страхах он расскажет как бы между прочим...

Он знал Марка по одному делу, которое вел как следователь прокуратуры. Что же касается «большого почитателя таланта» известной художницы Маргариты Орловой, так это была чистая правда. Когда он любовался ее работами, ему хотелось жить... Помнится, он побывал в ее мастерской сразу после смерти Веры, и, вернувшись домой, впервые за все время уснул, и снились ему цветы и красивейшие птицы...

– Ну, садись... – Марк усадил его в гостиной за стол. В эту минуту на пороге комнаты появилась маленькая девочка в розовом платье. Над головой у нее покачивался, как белое облачко, воздушный бант, размером с голову. – Ба, кто к нам пришел? Фабиола? Толя, ты знаком с моей дочкой? Фабиола, подойти к нам...

Марк приподнял малышку и усадил к себе на колени. Девочка смотрела на гостя широко распахнутыми карими глазами. У нее были золотистые и вьющиеся, как и у матери, волосы. Щеки ее разругались, и вообще она была похожа на куклу. У Концевича сжалось сердце. Кто знает, может, и у них с Верой могла бы быть такая же очаровательная девочка...

– Какой ребенок... – вырвалось у него. – Никогда не видел такой красивой малышки...

– Ты как вообще? – спросил Марк. – Я же понимаю, что ты пришел не за тем, чтобы разглядывать натюрморты Риты... Что-нибудь случилось? У тебя очень нездоровый вид. И глаза красные... Что-нибудь в бизнесе?

– Нет, у меня другая проблема... – быстро заговорил Концевич, словно появление Риты могло бы что-то изменить, и он прекратил бы говорить. Нет, он и при Рите рассказал бы все, что с ним происходило. Просто он был рад, что предоставили возможность рассказать о себе, что его поняли. И вообще, Марк был хорошим человеком, понятливым, умным. Жаль, что они только приятели. – Ты же знаешь Леню Охрименко... Так вот, он встретил в ресторане женщину – точь-в-точь моя Вера. А на следующий день после того, как он мне все это рассказал, ко мне заявили друзья, Маевы, может, знаком. Так вот, Татьяна Маева видела эту лже-Веру на рынке, где она покупала виноград. И она была не одна. И в первом и во втором случаях – с каким-то молодым человеком. Понимаешь, все говорят, что сходство поразительное.

– Ты хочешь, чтобы я помог тебе найти ее или выяснить, кто она?

– Ну... да...

И тут он понял, что не готов к встрече с этой женщиной. Что боится.

– Не знаю... – Он схватился за голову. – Мне страшно, черт побери...

В эту минуту в комнату вошла Рита. На ней было темно-синее платье с красно-белым восточным орнаментом. Она была очень красива и улыбалась так, что Концевичу захотелось заплакать от умиления. Совсем нервы ни к черту!

– Рита, вы такая красивая, – произнес он со вздохом. – Вера моя тоже была красивая.

– Я могу говорить при Рите? – спросил Марк. И, когда Концевич кивнул, Марк вкратце рассказал историю жене. – Что думаешь?

– Интересная история, вот что я думаю. Но надо бы ее увидеть... эту женщину.

– Они говорят, что у этой особы даже родинка на том самом месте, что и у Веры была. И что одевается она в том же стиле, как Вера, понимаете? Словно она вернулась с того света.

– Вы, главное, не нервничайте, Анатолий. На вас же лица нет. Подумаешь, появилась женщина, похожая на вашу жену. Да может, она давно жила здесь, просто на нее никто не обращал внимания. Или же, сами понимаете, сестра Веры. Мало ли каких историй в жизни не бывает.

Находясь здесь, Концевич понял, что страхи на время отпустили его, и ему стало легче дышать. Надо же, совершенно, можно сказать, чужие люди, но люди, которым он доверял, одним своим умиротворенным и одновременно серьезным видом вселили в него надежду, что и у него когда-нибудь все наладится. И кошмары, которые его мучили, отпустили на время...

– Вы можете рассказать, как и при каких обстоятельствах умерла ваша жена, Анатолий? – спросила Рита, накладывая ему грибы и поливая густым сметанным соусом.

Удивительное дело, но ей он мог безболезненно пересказать весь тот ужасный день, когда ему позвонили из больницы и сказали, что его жена умирает.

– Хотя все началось, конечно, много раньше. Я видел, что ей нездоровится, что она находится в каком-то напряжении, бледна. Но мы с ней приписывали это боязни родов, и вообще где-то на шестом месяце беременности она стала странной... Тут еще эта история с маньяком, который терроризировал город. Сначала он убивал блондинок, потом брюнеток... Словом, моя мнительная жена повсюду видела маньяков. Думаю, что и гепатит у нее развился на нервной почве, но мы не знали, что у нее гепатит. Все произошло как-то очень уж быстро, она прямо растаяла на глазах...

– Подождите, не так скоро... – прервала его внимательно слушавшая Рита. – Вы сказали, что *это вы с ней* приписали ее нездоровый вид боязни родов. Или же это, Анатолий, *вы лично* решили, что всему виной ее мнительность?

Концевич понял ее вопрос – она повела себя как истинная женщина. Надо же, на что обратила внимание!

– Хорошо, вы правы... Это мы с братом так решили, у меня брат – психиатр.

– Вот теперь все ясно и можете продолжать дальше. Хотя, постойте... гепатит... Это очень серьезно. Скажите, вот ей стало плохо, ее положили в больницу, потом ей стало хуже, и вас вызвали, сказали, что она умирает... И что потом?

– Я вошел в палату...

– Как фамилия доктора, помнишь? – спросил Марк.

– Да, безусловно, – оживился Концевич. – Его фамилия Нольде. Легко запомнить, от слова «ноль».

– Я слышала о нем, – сказала Рита. – Он известный в городе гинеколог.

– Юлий Михайлович Нольде, – дополнил Концевич. – Так вот, он провел меня в палату...

– Так ваша жена к тому времени уже скончалась?

– Да... Все было кончено. Она лежала вся в трубках. Ужасное зрелище, что-то такое отчаянно беспросветное было во всей этой картине.

– Спрошу прямо, Толя, ты видел свою жену мертвой?

– Думаю, что да, – растерялся Концевич. – Конечно, ее укрыли... с головой. Но этот доктор приподнял простыню, и я увидел Веру. Он, правда, сказал, чтобы я близко не подходил. Но я и так находился в таком состоянии... мне было страшно, очень страшно... Я никак не мог поверить, что она уже никогда не пошевелится, не оживет... не знаю, как сказать... Она была очень живая, понимаете? Живая, жизнерадостная, энергичная, шумная, если хотите... И вдруг... Лежит, с закрытыми глазами...

Он перенесся в то время, в тот надвигавшийся тогда кошмар, пропитанный запахами больницы, смерти, страха. В ту палату, где лежала вытянутая, как струна, женщина, жена, Вера. Небольшое возвышение – живот, в котором так и не развилась до конца еще одна жизнь. Как же могло случиться, что он потерял сразу двух дорогих ему людей: жену и ребенка?

– Мы расспрашивали вас обо всем этом, Анатолий, для того, чтобы исключить возможность, что ваша жена в тот момент, когда вы увидели ее в последний раз, была живой, понимаете? И что там, в ресторане, ваш друг видел действительно ее. – Рита произнесла это с сочувствием, и Концевич сразу же простил ей тяжелые вопросы.

– Да, конечно, я понимаю, – замахал он руками. – Я же, собственно говоря, для того и пришел.

– Давай подождем, Толя, пока ее не увидит кто-нибудь еще. Хорошо бы, если бы ты сам увидел ее, поговорил. Думаю, после пары фраз ты и сам поймешь, что эта женщина не имеет к твоей жене никакого отношения.

– Да я все понимаю... – На Концевича было жалко смотреть. – Просто сначала Ленька позвонил, потом Маевы пришли... Все один к одному... Еще эти туфли...

И тут он так густо покраснел, что Рита подумала, как бы у гостя не случился удар.

– Анатолий, что с вами?

– Со мной? Нет.. Ничего...

– Вы что-то сказали про туфли.

– Думаю все же, что они мне приснились... Туфли Веры. Понимаете, в дверь позвонили...

Видно было, что каждое слово дается ему с трудом, и он словно стыдится того, что говорит.

– И что же было дальше? – Брови Марка взлетели вверх. – Да ты не тушуйся, говори, как было. В этой кухне еще и не такие истории рассказывали.

– Туфли... Веры... Словом, в дверь позвонили, я открыл дверь и увидел на пороге туфли.

– А почему ты решил, что это именно ее туфли?

– Потому что она пришла к ним эти... стекляшки... К новому году... Это ее туфли, могу поклясться, чем хотите...

– И что же, где эти туфли?

– Они так и остались там, на пороге... Я же как рассуждал? Если это сон, то зачем мне их брать... А если все это происходит со мной наяву, то тем более – страшно... Чего им там делать? Утром проснусь, увижу туфли, еще кондратий хватит...

– Резонно, – заметила Рита. – Но вы так и не разобрались, приснилось вам это или нет?

– Я не хочу разбираться, – Концевич вспотел, достал платок и промокнул им мокрый лоб. – Вот в чем, собственно, вопрос...

– Ну и бог с ними, с туфлями... – махнула рукой Рита. – Хотите еще чаю?

10

Три года тому назад. 2005 год.

– Понимаешь, Машенька, надо руку держать так, словно у тебя в ладошке яблоко, такое небольшое, круглое. Тогда и рука твоя будет тоже круглая. А пальцы не следует растопыривать. Расслабься, подбери пятый пальчик, вот так. Мы же с тобой уже который урок бьемся над постановкой руки. Касаться клавиш надо подушечками пальцев. У тебя очень красивая рука, но ужасно зажата.

За окном уже стемнело. С минуты на минуту урок должен закончиться, за Машей придут родители, а за ней, Верой, – муж. Он, как и обещал, стал заезжать за ней всякий раз, когда она работала допоздна.

В комнате было тепло, уютно, маленькая Маша, высунув от усилий язык, пыталась точно попасть мягкой «подушечкой» пальца на клавишу. Она так старалась.

В эту минуту дверь открылась, Вера вскинула голову и увидела своего мучителя, своего воздыхателя, своего личного маньяка – Алексея. Он просунул голову, лицо его сияло, он был чем-то обрадован.

– Это я... Ну что, ты поговорила со своим мужем?

Маша хотела было тоже рассмотреть посетителя, но Вера быстро встала и закрыла от нее Алексея.

– О чем я должна была говорить с ним? – спросила она осипшим голосом. В горле пересохло, дыхание перехватило. Однако страх застрял где-то на пороге, маячил за широкой спиной маньяка, и сдерживало его лишь присутствие маленькой девочки в теплом шерстяном красно-бело-синем платье, розовые щечки которой еще вселяли надежду, что этот малахольный с бесцветным именем Алексей все же одумается и исчезнет, не станет наживать себе любопытного и большеглазого свидетеля...

– Ты играй, играй, Машенька, старайся.

– Как о чем? Или ты забыла? О том, что ты должна бросить его и поселиться со мной. Я уже и квартиру снял, даже вазу с цветами поставил, чтобы тебе приятно было и вообще – чтобы было, как у всех – семья. У меня деньги есть, ты не переживай.

– Да я и не переживаю, – заскулила она, чувствуя, что теряет силы, что еще немного, и она уже не сможет владеть собой. – Прошу тебя,пусти меня. Найди кого-нибудь помоложе, посвободнее, что ли. У меня же муж есть, к тому же скоро будет ребенок.

– Он будет нашим с тобой ребенком. Я вообще не понимаю, почему некоторым мужчинам так важно знать, от них ребенок, или нет. Главное, что он от женщины, которую любишь. Я, к примеру, так считаю...

Маша нажимала на клавиши с завидным упорством, и звуки извлекала странные, словно ей поручили озвучить сложный сюрреалистический фильм. Эти звуки били по мозгам, действовали на нервы.

– Дай мне еще время. Я должна подумать. Где тебя найти, чтобы сказать о своем решении?

– А тебе не нужно принимать никакого решения, я его уже за нас двоих принял. Тебе надо просто поставить в известность своего мужа, что ты от него уходишь. Ну, чтобы он не искал тебя, не подавал в розыск. Вот и все.

– Хорошо. А теперь уйди, прошу тебя.

Он внезапно исчез. Словно его и не было. Маша продолжала играть, вбивая в клавиши свои тонкие, словно белые хрящики, пальчики незаметно для себя. Вера плакала. Вот сейчас придет Анатолий, она расскажет ему о визите Алексея, и он скажет, что ей все это показалось.

Почему он ведет себя так? Мягко говоря, неестественно. Не может быть, чтобы на него так влиял брат-психиатр, написавший в свое время диссертацию о страхах беременных. Да мало ли у кого какие страхи, и вообще... А может, он делает это нарочно? Предположим, что он не хочет ребенка и только делает вид, что хочет. Что, если предположить совсем уж невероятное – что Алексей работает на Анатолия?! Что это Концевича план, что он нанял Алексея, чтобы тот довел ее до выкидыша?

Но уже через несколько мгновений эта версия показалась Вере чудовищно бессмысленной. Ей даже стало страшно за свой рассудок: и как это она могла подумать такое о Концевиче? Да, конечно, он не идеальный муж, но он по-своему любит ее, любит их неродившегося ребенка.

Она так крепко задумалась о муже, что даже не удивилась, когда открылась дверь, и она увидела его Анатолий улыбнулся одними губами, и по выражению его лица она поняла, что ему вовсе не доставляет удовольствия три раза в неделю встречать ее в школе. Получается, что она ему в тягость? Ему неприятно заезжать за ней? Он считает себя слишком великим, чтобы унижаться до роли обыкновенного сопровождающего?

Но когда он вошел в класс и нежно приобнял ее, она поняла, что ведет себя недостойно, сама придумывает ему выражения лица, которые не имеют ничего общего с его истинными чувствами.

– Как дела? Все в порядке?

– Да, мы с Машей уже закончили... Все, Машенька, можешь собираться... А вот и мама пришла...

В класс заглянула молодая женщина.

Они вышли из школы, сели в машину, и только тогда Вера рассказала мужу о визите Алексея.

– И что же он хочет от тебя? – тоном, каким разговаривают с маленькими детьми, спросил Анатолий.

– Он хочет, чтобы я поговорила с тобой... чтобы объяснила тебе, что теперь мы будем жить с ним вместе.

– Вера! – Концевич повернул голову и взглянул на жену удивленно, как если бы она сама все это придумала. – Ну что ты такое говоришь?

– Толя, может, ты так ничего и не понял, – сдержанно начала она. – Меня преследует человек, мужчина, причем молодой, судя по всему, ненормальный, психически больной, который хочет со мной, с твоей беременной женой, жить! Жить, ты понимаешь? Он уже снял квартиру... кажется... Даже вазу с цветами поставил...

– А вазу зачем? – ледяным тоном спросил Концевич.

– А я откуда знаю, – жалобно произнесла Вера, глотая слезы. – Это он мне сейчас так сказал.

Машина катила по вечерним улицам города. Вера сидела в машине и хлопала, уткнувшись носом в платок.

– И когда он у тебя был?

– Когда мы с Машей занимались.

– Что, вот прямо так зашел в класс и сказал, давай мол, Вера, жить вместе?

– Да, примерно так.

– А Маша? Маша слышала весь этот бред?

– Не знаю... Думаю, да... Во всяком случае, она точно видела его... Мельком. Я нарочно встала и закрыла ее, чтобы он не видел. Вдруг он действительно маньяк и потом убьет ее как свидетеля.

– Значит, вы разговаривали, а она сидела и слушала?

– Нет, она играла. Разучивала упражнения. Я никак не могу поставить ей руку.

– Вера, так дальше продолжаться не может.

– Хорошо. Я вижу, что ты мне не веришь по неизвестным мне причинам, быть может, тебе выгодно делать из меня идиотку. Но и я так больше не могу. Я, твоя жена, говорю тебе, что меня преследует один ненормальный, что я боюсь его, что еще немного, и он может напасть на меня.

– Послушай, если бы он хотел напасть на тебя, то он сделал бы это давно.

– Возможно, это не тот маньяк, что насилует и убивает, а какой-нибудь другой, просто психопат, который придумал себе любовь ко мне и хочет жить со мной вместе. Но мне-то от этого не легче! – закричала она. – Что мне делать? Он же реально существует, просто я не могу тебе этого доказать! Вот, к примеру, когда ты сейчас входил в школу, ты никого не видел?

– Нет.

– Значит, ты считаешь, что я все это придумала?

Он не ответил. Она понимала, что он молчит, чтобы не расстраивать ее, хотя не верит ни единому ее слову.

– Толя, давай я уеду к тетке в деревню, а? Может, так будет лучше для всех? Ты поживешь один и подумаешь, а стоит ли нам вообще оставаться вместе. Постой, не перебивай меня. А я просто отдохну от этой нервозности и от тебя. Я не могу жить с человеком, который совершенно не дорожит мной, который считает меня сумасшедшей.

– Я так не сказал, – оживился Концевич. – Но то, что тебе надо бы показаться врачу на предмет твоей нервозности и галлюцинаций – это точно.

11

Анатолий еще и сам не мог понять – радоваться или нет, что Леня Охрименко согласился помочь ему в этом страшноватом и опасном деле.

Сутки назад он позвонил ему и попросил поехать вместе с ним на кладбище, чтобы разрыть могилу жены и посмотреть, пуст гроб или нет.

– Знаешь, старик, если бы я и второй раз не увидел твою Веру, я бы подумал, что ты спятил, а так... Я согласен. Мы же друзья. К тому же мне самому хочется узнать, что это за чертовщина такая. Я уж подумал, а может, правда, ее и не похоронили. Мало ли каких историй на свете не случается. А тут еще один фильм недавно посмотрел. Знаешь, я уже вроде взрослый мужик, а так не по себе было, аж волосы на голове за шевелились. Хотел даже свет везде включить, представляешь? Так что, когда едем-то? Думаю, надо взять две лопаты. Чтобы побыстрее получилось.

– Я-то думал, мы найдем кого-нибудь там, на кладбище, – вяло проговорил Концевич.

– Ты что, с ума сошел?! Это же подсудное дело! Никто не должен знать!

– А ты думаешь, если мы приедем на кладбище, то нас туда пустят? Что там нет никаких сторожей?

– Не знаю. Может, ты и прав. Но все равно, бери лопату, и я тоже возьму. На месте разберемся...

Толя оказался прав, пройти на кладбище ночью оказалось не таким уж и простым делом. Чтобы проехать до нужного участка, они заплатили какому-то парню (не то сторожу, не то рабочему, копающему могилы) довольно-таки приличную сумму. Концевич от страха чуть не поседел, когда тот спокойно так спросил: что, мол, могилу разрыть хотите, забыли чего в гробу?

Он спросил это таким обыденным тоном, словно сюда, на кладбище, каждую ночь кто-то приходит, чтобы разрыть могилу и поискать оставленную в гробу вещь...

– Да вы не бойтесь, я – могила... – широко улыбнулся, показывая пока еще крепкие, не разрушенные алкоголем зубы парень.

– В каком смысле? – Анатолий едва разжал зубы.

– В том, что никому ничего не скажу. Работа у меня такая – молчать. Делать свое дело и молчать, понимаете?

– Слушай, может, тогда и поможешь... – осторожно предложил Охрименко.

– Не вопрос... Поехали. Покажете, где и что, я только лопату возьму...

Он ушел, и Концевич, совсем бледный, со стучащими зубами, посмотрел на Леню:

– Ты представляешь, оказывается, не мы одни такие... Что же это, по нашему городу призраки ходят, двойники, и многие хотят выяснить, не зарыли ли своих близких живыми?

– Ты дурак, что ли, Толя, или только притворяешься? Думаешь, те, кто раскапывают могилы, хотят узнать, есть там покойник и тот ли? Они золото с мертвецов снимают, брильянты. Родственники, к примеру, которые что-то там не поделили. Или даже принципиальные, которые поначалу не посмели из этических соображений снять с какой-нибудь бабушки ее фамильный перстень, а потом, спохватившись, решили, что брильянт должна принадлежать живым. Да разные истории бывают.

Вернулся парень с лопатой, поехали на место. Увидев запущенную могилу жены Концевич испытал чувство стыда. Он знал и понимал, что надо бы присмотреть, почистить, посадить цветы, к примеру, или березку, но у него не было сил ехать на это страшное место. Он так жалел себя, так не хотел травмировать, что сейчас чувство, похожее на угрызения совести, достигло своего пика, и ему было стыдно даже не столько перед легкомысленным и своим в доску Леной, как перед этим совершенно чужим человеком.

О цене договорились быстро, и рабочий начал копать. Он делал это профессионально, ловко, но у Концевича, глядя на него, кружилась голова. Он презирал себя за слабость, причем не только душевную, но и физическую. И подумалось вдруг тогда, когда он стоял посреди разбросанной вокруг него сырой земли, в полумраке кладбища (на соседнюю ограду был повешен мощный электрический фонарь), что надо было Вере тогда, когда она еще была относительно здорова, уехать к тетке в деревню. Быть может, тогда она осталась бы жива. И чего он, дурак, ее не послушал? Зачем потащил к доктору? Только унизил. Он не хотел вспоминать тот вечер, когда с ней случилась истерика, когда она сказала, что совершила ошибку, выйдя за него замуж, что он – ничтожество.

Несмотря на свой профессионализм, парень копал долго. Так, во всяком случае, казалось Концевичу. Он стоял рядом, смотрел, как замороженный, на летящие комья земли и думал, как же могло случиться, что его жену, его нежную и красивую Веру, уложили в гроб и засыпали землей... И почему только люди не улетают после смерти на небо, как птицы?!

Леня много курил, матерился, когда на него попадала земля, мрачно и грубо шутил, забывая иногда, что они, по сути, глумятся над могилой.

Когда же лопата, наконец, стукнулась о крышку гроба, Концевича стошнило.

Рабочий по его просьбе отошел от вскрытого гроба, Анатолий посветил фонарем.

– Она была в белом платье, – сказал он хриплым голосом. – А здесь... джинсы... черный свитер... Если я, конечно, не ошибаюсь... Леня, смотри... черные короткие волосы...

Охрименко отшатнулся от гроба, судорожно схватил пачку сигарет, достал одну, чиркнул зажигалкой, закурил. Он старался уже не смотреть внутрь. Ему и так было все ясно.

– Нехорошая история получается, Толя. Мужик там. Понимаешь? Му-жик. А та баба, что шатается по городу с молодым парнем, – твоя жена, Веерка. Я уж не знаю, как так могло получиться, но ты сам видишь – в гробу ее нет.

– Вижу. Вот только не понимаю, как мне к этому относиться. Обрадоваться, что она жива? Но тогда кого же мы похоронили? Ведь она выглядела, как покойница. И не шевелилась, и вроде бы не дышала.

– Говорю же – нехорошая история. Ты у Марка был?

– Был.

– А теперь срочно позвони ему. Мы с тобой тут преступление совершили, могилу осквернили... А теперь надо бы задним числом получить от прокуратуры разрешение на эксгумацию трупа, понимаешь?

– Понимаю. Слушай, Леня, я весь дрожу. Как бы я сам тут копыта не отбросил. Так хреново мне...

– Да любому будет страшно. Успокойся. Думаю, мы все правильно сделали. Зато теперь у нас, когда Марк поможет нам все юридически правильно оформить, есть доказательство того, что Вера осталась жива, и что та дама, что разгуливает по городу и покупает, мать ее, виноград – не кто иная, как она...

– А как же тот доктор? Он что же, не видел, что перед ним живая женщина?

– Возможно, не видел, а может, она подкупила его, чтобы он сказал тебе, мол, умерла.

– А это еще зачем?

– Хороший вопрос. Но чтобы ответить на него, для начала было бы неплохо тебе с него встретиться.

– Так что мне сначала делать?

Он был жалок. Мало того что он только что разрыл могилу жены, так еще и оказалось, что его подло обманули, что она жива и посмеивается над ним. Или же... хочет ему отомстить? Но за что? За его любовь? Заботу?

– Скажи... А тот маньяк, ну, помнишь, о котором она тебе рассказывала, а ты еще не верил и думал, что она с приветом...

– Леня!

– Ты сначала дослушай. А что, если этот ребенок, которого она носила, был вовсе и не твой, а его? И они были или... или потом стали любовниками? Словом, может, это тот самый маньяк все это и подстроил, чтобы ты оставил ее в покое?

– Вроде бы трезвый, а такую ахинею несешь! – в сердцах воскликнул Анатолий. – Вот ты сам-то понимаешь, что говоришь?

– Да ты понимаешь, – заорал на него Охрименко, – что в этом гробу вместо твоей жены лежит мужик?! Какой-нибудь бомж наверняка... Она улучила момент, выскользнула из гроба, а вместо него кто-то очень уж ушлый положил для веса мертвеца, первого попавшегося. Слушай, Толя, я хочу выпить, умираю. Звони Марку, поедem к нему, будем что-то решать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.